

Это требование было действительно странным. Разве первый снег не символизирует чистоту и холод?

Гу Цичи считал, что его подход был правильным и полностью соответствовал теме.

Фотограф покачал головой и жестом объяснил:

— Я хочу совершенно новое ощущение. Первый снег разрушается, лед тает, и рождается новая жизнь и надежда...

Гу Цичи был озадачен, стараясь понять его описание.

Бо Юй, услышав это, незаметно взглянул на фотографа.

Как мужчина, он сразу понял, о чем тот думал.

Это требование было легко выполнить, и Бо Юй мог бы помочь, чтобы съемка прошла успешно.

Но он не хотел.

Тот вид Гу Цичи, покрытый желанием, должен был раскрыться только в самой темной и густой ночи.

Этот цветок, взращенный желанием, был посажен его руками, и он должен был сорвать его сам.

Но Гу Цичи двигался слишком быстро. Он опустил глаза, глядя на эустому в руках, и случайно заметил, как край его рубашки слегка приподнялся, обнажив красный след на коже поясницы.

К счастью, никто не стоял за его спиной. Гу Цичи поднял голову, незаметно повернулся и поправил рубашку, затем поднял веки. Его взгляд был ясным, но из-за красных внешних уголков глаз и влажных ресниц в нем появился намек на соблазнительную игривость.

Он заметил Бо Юя, который хотел уйти.

Их взгляды встретились, и между ними произошел безмолвный диалог.

Гу Цичи поднял бровь:

— Почему ты прячешься? Я что, неприличен?

Бо Юй остановился, нахмурился, открыл рот, но ничего не сказал.

Гу Цичи посмотрел на фотографа, затем на Бо Юя, задумавшись.

Потом он вспомнил что-то, и на его губах появилась улыбка.

Яркая и ослепительная, но с ноткой озорства.

Он повернулся к Су Юнь:

— Здесь есть красное вино?

Красное вино, конечно, было. Эта работа была очень свободной, иногда спокойной, а иногда чрезвычайно загруженной. В свободное время все бродили по углам, а в напряженные периоды

работали без перерыва: подбирали одежду, украшения, разрабатывали темы, связывались с подходящими артистами и готовили сцены.

Каждый из этих этапов мог вывести из себя, поэтому все привыкли оставаться здесь на ночь. В студии была небольшая комната, где в холодильнике хранилось красное вино, принесенное Су Юнь.

Су Юнь скрестила руки на груди и, услышав его просьбу, подперла подбородок пальцем, слегка приподняв бровь:

— Вино есть, но я хочу знать, для чего оно тебе.

Гу Цичи улыбнулся. Эустома в его руках слегка дрожала.

Гу Цичи:

— Фотограф хочет, чтобы я показал желание. Думаю, мне это понадобится.

Су Юнь не возражала и попросила ассистента отвести Гу Цичи за вином.

Бо Юй стоял в углу, где свет был тусклым, падая на него, создавая ощущение небрежной меланхолии.

Ло Цяньцяннь сидела на черном кожаном кресле, наблюдая за съемкой Гу Цичи.

Видимо, она зря волновалась. Гу Цичи совсем не нервничал, нервничала, возможно, только она. Его способность передавать моду была потрясающей. Его движения были свободными, поза — расслабленной, но не небрежной.

Его плечи были широкими, и даже в расслабленном состоянии его позвоночник оставался прямым. Пиджак был небрежно накинут на одно плечо, а линия шеи слегка выпирала, касаясь шелковой рубашки. Из-за тонкой ткани контуры лопаток просвечивали сквозь ткань, создавая особую атмосферу.

Внезапно Ло Цяньцяннь почувствовала, как атмосфера вокруг стала холоднее, и по ее коже пробежали мурашки.

Она оглянулась, пытаясь найти источник холода, и увидела нахмуренного Бо Юя.

Он выглядел очень недовольным. Его брови были высокими, нос — прямым, а глаза — глубоко посаженными. Половина его лица была скрыта в тени, и трудно было понять, что он думает.

Но догадаться было легко, ведь его недовольство буквально витало в воздухе.

Он был как крупный хищник, у которого отняли добычу, и его грозная энергия давила на всех вокруг.

Ло Цяньцяннь задумчиво отвела взгляд и снова посмотрела на Гу Цичи, который держал в руках бутылку вина.

На предыдущих фотографиях он был одет в плащ из перьев цапли, а теперь снял все верхние вещи.

Рубашка была не на пуговицах, а с широким вырезом.

Тонкие ключицы изгибались, создавая небольшую тень.

Гу Цичи внезапно поднял голову, задумчиво глядя перед собой:

— Эта одежда дорогая?

Су Юнь удивилась, затем покачала головой:

— Самая дорогая вещь — это плащ из перьев, остальное не так уж дорого.

Она назвала цену, и Гу Цичи кивнул, спокойно сказав:

— Возможно, я поврежу эту вещь, но после съемок я ее куплю. Конечно, мне очень нравится плащ, и я хотел бы получить его.

Его взгляд был искренним, видно было, что он действительно любил эту вещь.

Су Юнь задумалась. Этот плащ был работой одного из ее любимых дизайнеров, можно сказать, ее личной коллекцией. К сожалению, она никогда не носила его, или, скорее, сама не могла его носить.

Главный редактор незаметно нахмурилась, доброжелательно предупредив:

— Эта вещь очень дорогая, ведь это ручная работа.

Но Гу Цичи не смутился, лишь повторил:

— Мне она очень нравится, и я вижу, что вам она тоже. Отобрать ее у вас, конечно, нагло, но я надеюсь, что вы тоже хотите, чтобы она обрела большую ценность.

Су Юнь колебалась. Она снова посмотрела на Гу Цичи и наконец сказала:

— Хорошо, но я поставлю условие.

Гу Цичи, получив то, что хотел, улыбнулся искреннее:

— Хорошо, но, возможно, у меня не будет того, что вы хотите.

Су Юнь уверенно покачала головой. Ее интуиция никогда ее не подводила:

— Когда вы станете знаменитым, я хочу, чтобы «Youth» был вашим первым выбором.

Гу Цичи повернул голову. Серебристые волосы и белые ресницы делали его почти прозрачным, словно в нем не хватало какого-то цвета.

Он не ожидал, что условие будет таким, и невольно спросил:

— Главный редактор, я всего лишь малоизвестный актер. Вряд ли я стану знаменитым.

Су Юнь покачала головой, уверенно улыбаясь:

— Моя интуиция никогда не подводила. Гу Цичи, вы обязательно станете звездой, это лишь вопрос времени.

Гу Цичи слегка улыбнулся, покачав бутылкой вина:

— Спасибо за пожелание.

Это означало, что он принял ее условие. Когда он станет знаменитым, «Youth» будет первым журналом, в котором он снимется. Су Юнь удовлетворенно отступила, позволив Гу Цичи вернуться на съемочную площадку.

Фотограф и осветитель, увидев его, снова настроили свет, чтобы обеспечить плавность освещения.

Пробка от бутылки вина была вынута, и аромат дерева смешался с насыщенным запахом вина, создавая уникальный аромат.

Гу Цичи хорошо переносил алкоголь. Обсудив идею с фотографом и убедившись, что тот согласен, он поднял бутылку и начал пить.

Но перед этим его взгляд несколько раз скользнул в сторону Бо Юя, словно кот, бросающий вызов, гордый и величественный.

Бо Юй вчера изрядно его помучил, оправдывая это наказанием. Гу Цичи не мог не ответить на это, иначе он бы не оправдал слез, которые вынужден был пролить вчера.

Бо Юй видел, как он беззвучно произнес четыре слова:

Он сказал:

— Бо Юй. Смотри на меня.

Его шея вытянулась, как у умирающего лебедя, создавая четкую линию. Вино текло в его горло, и было видно, как двигался кадык.

<http://bllate.org/book/17675/1647618>